

ПРОБЛЕМА ССЫЛКИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ СИБИРИ 70–80-х гг. XIX в.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась пробуждением общественного самосознания сибиряков, в особенности небольшой части сибирской интеллигенции. В это время появляется частная сибирская периодика, в которой освещаются ключевые проблемы региона. Одной из самых важных проблем в 70–80-е гг. XIX в. был вопрос об уголовной и административной ссылке в Сибирь. В данной работе мы по материалам газет «Сибирь» и «Восточное обозрение» рассмотрим, как ссылка, по мнению сибирской общественности, влияла на развитие региона.

Ссылка рассматривалась и населением, и администрацией как явление, пагубное для региона. Ее негативное влияние охватывало все стороны жизни края. Количество ссыльных, ежегодно отправляемых в Сибирь в конце 70-х гг., превышало 18 тыс. человек [3, 1879, № 31, с. 1], а в середине 80-х гг., по некоторым данным, доходило до 21 тыс. человек [1, 1885, № 10, с. 1].

Количество ссыльных к 80-м годам уже практически в 10 раз превосходило показатели начала XIX в. Высказывались даже мнения, что в недалеком будущем число ссыльных грозит превысить численность местного населения. По некоторым данным, в Иркутской губернии к 1886 г. отношение количества приписанных ссыльных к местному крестьянскому населению равнялось один к двум [2, 1888, № 4, с. 1]. В некоторых уездных городах количество ссыльных вообще превышало количество местного населения [3, 1879, № 41, с. 3].

Что касается общего числа ссыльных, то в «Восточном обозрении» приводятся данные, собранные «всеми сибирскими губернаторами за исключением Якутской области», которые говорят о том, что «к 1 января 1879 г. ссыльных, причисленных к сельским обществам, ... числилось в общих частях Сибири 66 726 душ» [1, 1882, № 17 с. 2]. О количестве ссыльных в Якутской области говорят следующие данные: «В 1880 г. было в области 4470 поселенцев, а в 1881 г. увеличилось до 4694 душ обоего пола» [1, 1884, № 30, с. 9]. Таким образом, суммируя эти цифры, мы приходим к выводу, что общее количество ссыльных в Сибири к 1880 г. превысило 70 тыс. человек. Однако если учитывать, что порой в один год в ссылку следовало до 20 тыс. человек, эта цифра кажется заниженной.

В экономическом плане ссылка в рассматриваемый период уже не отвечала тем целям, которые перед ней когда-то ставились, а именно целям заселения территории Сибири населением, способным к труду. Большую часть ссыльных составляли бродяги, различного рода преступники, а также лица, высланные по приговорам крестьянских сходов, которые на новом месте вновь возвращались к прежнему образу жизни [3, 1879, № 42, с. 3]. Такие ссыльные тяжелым бременем ложились на местное население. Так, по исчислению, например, якутской администрации, содержание каждого ссыльного обходилось обществу от 100 до 200 руб. в год [2, 1888, № 4, с. 2]. Общество, например, должно было покрывать издержки казны за возвращение бежавших ссыльных, приписанных к этому обществу. Также нередко на нем лежали издержки, связанные с призрением дряхлых и больных поселенцев. Неблагоприятно отражалась ссылка и на поступлении податных сборов; так, например, по данным, собранным всеми сибирскими губернаторами, к 1 января 1879 г. в обеих частях Сибири, кроме Якутской области, на ссыльных в количестве 66 726 человек числилось недоимок на 1 429 454 руб. [1, 1882, № 17 с. 2].

Но даже если человек хотел заняться делом и жить своим трудом, у него зачастую не было для этого возможности, особенно это было характерно для небольших городков, где не была развита промышленность, и ссыльному было сложно найти себе работу [3, 1879, № 41, с. 3]. Найти работу для ссыльного было трудно не только в маленьких городках, но и по всей Сибири, которая в экономическом отношении все еще оставалась слабо развитой, и рабочих мест в ней попросту не было. Правда, существовала одна «отводная канава», т. е. место, где можно было использовать труд ссыльных, а именно золотые прииски Восточной Сибири. Однако они не могли вместить всех желающих, да и условия труда на приисках были очень тяжелые, в итоге многие ссыльные после сезона работы пропивали все заработанное и возвращались без гроша в свои общества, отягчая собою последние [1, 1884, № 30, с. 8].

Еще одной проблемой, которая естественно вытекала из самой системы ссылки, была проблема транспортировки осужденных до места назначения. В 80-е гг. XIX в. продолжала действовать этапная система. Движение по этапу производилось с 1 мая по 15 сентября, во время прекращения движения арестанты сосредотачивались на специальных сборных пунктах или местах их осуждения. В последней четверти XIX в. для перевозки арестантов на-

чинает применяться железнодорожный и речной транспорт, однако эти блага цивилизации использовались только для пересылки до Екатеринбурга, а далее следовал традиционный пеший этап [1, 1883, № 2, с. 12].

Как справедливо отмечено в печати, транспортировка все возрастающего числа ссыльных обходилась казне в значительные суммы: «Стоимость всех расходов при препровождении арестантов определяется в рублях: 692 697 р. 40 к. в 1880 г. и в 711 063 р. 89 к. в 1881 г. ...Из этого видно, что ссылка вообще обходится не так дешево, как о ней думают» [1, 1883, № 2, с. 12].

Пеший этап, как и раньше, являлся настоящим испытанием для ссылаемого. Недаром среди ссыльных ходили поговорки вроде: «Не каторга страшна, а переход по этапу – вот настоящая каторга!» [3, 1875, № 15, с. 5]. О тяжелых условиях пересылки наглядно свидетельствует высокая смертность в пересыльных тюрьмах, которая достигала 18,5 % для мужчин и 15,4 % для женщин [1, 1884, № 31, с. 2].

Серьезную проблему для Сибири составляли те ссыльные, которые покидали места приписки и подавались в бродяжничество, пытаясь пробраться на родину или просто скитаясь по краю, совершая различного рода преступления. В источниках приводятся различные данные, из которых можно увидеть, что, в зависимости от местности, в бегах находилось 30 % и более всех приписанных ссыльных.

Бродяжничество порождало чрезвычайно накаленную криминогенную обстановку. Как отмечает сибирская печать, «2/3 преступлений в Сибири совершаются ссыльными» [1, 1882, № 17, с. 12].

Вместе с пагубным влиянием в нравственном и экономическом плане ссылка и каторга, по мнению авторов публикаций, не достигали своей конечной цели, т. е. исправления преступника. С одной стороны, постоянное соприкосновение с множеством себе подобных окончательно развращало даже тех, в ком сохранялось еще чувство стыда и совести. Существовало даже такое выражение: «Каторга – это академия разврата» [3, 1875, № 15, с. 5]. С другой стороны, исправление преступника было невозможно потому, что, карая преступника вечной ссылкой и лишением всех прав состояния, у него отнимали всякую надежду на будущее. Ссыльный лишался возможности когда-либо увидеть свою родину и занять прежнее положение в обществе [3, 1876, № 33, с. 2].

Таковы, в общих чертах, основные аргументы, приводимые частной сибирской печатью в пользу отмены ссылки. Причем это

позиция не какой-то малой части интеллигенции, а большинства сибирского общества, включая сюда даже представителей местной власти. Позицию противников ссыльной системы можно считать полностью обоснованной. «До тех пор, пока Сибирь останется страной ссылки, в ней немыслима свободная гражданская жизнь, немыслимы улучшения и сама она будет считаться страной исключительной» [1, 1885, № 44, с. 1].

Литература

1. Восточное обозрение : еженед. лит.-полит. газ. – СПб., 1882–1887.
2. Восточное обозрение : еженед. лит.-полит. газ. – Иркутск, 1888–1905.
3. Сибирь : еженед. обществ.-лит. газ. – Иркутск, 1875–1887.

ДИДИНА С. А.

Иркутский государственный университет

ИРКУТСКОЕ УЧИЛИЩЕ ДЛЯ СЛЕПЫХ: КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

В конце 70-х гг. XIX в. в России возникла необходимость создания организации, целью которой было бы призрение слепых. В 1879 г. Императрица Мария Александровна утвердила предложение К. К. Грота о создании в России специального попечительства для призрения слепых, а 13 февраля 1881 г. Александром II были утверждены основные начала для деятельности Мариинского попечительства для призрения слепых, которое в 1888 г. по воле Александра III было переименовано в Попечительство Императрицы Марии Александровны о слепых. Так было положено прочное начало призрению слепых в Российской империи [3, с. 38–41].

Круг деятельности попечительства был весьма обширным. Оно касалось всех способов помощи слепым, не исключая и мер предупреждения слепоты, но на первый план было все-таки поставлено обучение слепых доступным им ремеслам и занятиям, «дабы они могли существовать без посторонней помощи и работать действительно по возможности самостоятельно» [3, с. 41].

С этой целью Попечительство начало открывать училища для слепых детей в различных городах империи. Однако училища открывались лишь в тех городах, в которых отыскивалось несколько лиц из местного общества, сочувствующих делу рационального призрения слепых и желающих образовать отделение Попечительства или комитет для управления училищем, и где